

Статья опубликована в: Болдинские чтения 2011 /Гос.лит-мемор. и природ. музей-заповедник А.С.Пушкина «Болдино». – Саранск, 2011. – С. 230 – 239.

В.Б. Мусий (Одесса, Украина)

А.С. ПУШКИН - ПЕРСОНАЖ «УНИКАЛЬНОГО РОМАНА» М. ПАВИЧА

В последнее время все большую популярность приобретают романы синтетической жанровой природы. Они соединяют в себе элементы готики, детектива, любовного или же авантюрного романа, нравоописания. Среди них - романы-биографии писателей, ядро сюжета которых составляет «обнаружение» дневников, переписки, неведомых до сих пор и не совпадающих с каноническим вариантом редакций художественных произведений. При этом может идти речь как о реально живших художниках (к примеру, «Осень в Петербурге» Дж.М. Кутузее, героем которого является Ф.М. Достоевский), так и о вымышленных (назовем хотя бы «Обладать» Антонии Байетт); как о реальных произведениях («Ф.М.» Акунина о варианте романа «Преступление и наказание»), так и о вымышленных («Тень ветра» К.Р. Зафона или же «Роман лорда Байрона» Дж. Краули). Особенный интерес представляют собой те произведения, авторами которых являются писатели, занимающиеся не только художественной, но и литературоведческой деятельностью, как, к примеру, Антония С. Байетт или Милорад Павич, «Уникальному роману» которого посвящена наша статья.

«Уникальный роман» - одно из экспериментальных произведений Милорада Павича. По словам писателя, к его сочинениям критиками применялись самые разнообразные определения: «электронный писатель, интерактивная литература, нелинейное повествование, постмодернизм», «магический концептуализм»¹. Он не возражал против подобной их интерпретации, исходя из необходимости отказа автора от «всегда одинаковой формальной модели», которая «безоговорочно навязывалась» «содержанию любого романа в течение двух тысяч лет»². Свой отказ от линейного литературного языка писатель мотивировал стремлением вернуться к «знакомому нам механизму снов и потока сознания. И устного творчества»³. Нелинейным в «Уникальном романе» является не только язык. Читателю предлагается ряд вариантов «прохождения» сюжетной линии, героем которой является Пушкин: «мифологической» (поиски встречи с дьяволом и осуществление для этого магического ритуала), литературоведческой (обстоятельства создания «Бориса Годунова»), психологической (причины появления Пушкина во сне одного из героев), биографической (Пушкин и его пращур Ибрагим Ганнибал, обстоятельства жизни Пушкина в 1830-е годы) и т.д.

¹ Павич М. Роман как держава: Роман /М. Павич; Пер. с сербского Л. Савельева. – М., 2004. – С. 17; 18.

² Павич М. Роман как держава. – С. 36.

³ Павич М. Роман как держава. – С. 20.

Сначала имя Пушкина возникает на страницах романа в связи с тем, что один из его центральных персонажей, Дистели, исполняет партию Годунова в опере М.П. Мусоргского. Сидя в ложе театра, возлюбленная певца мадам Маркизина Андросович Лемпицка узнает из программки об истории создания, содержании и судьбе «Бориса Годунова». Позже изложенное в этой сухой краткой «исторической справке» получает новый облик в преисполненных личностной оценкой снах Дистели, в форме четко структурированного и детального отчета Александра Клозевица, продавшего Дистели эти сны, и, наконец, дополняется профессиональными наблюдениями господина старшего следователя Эугена Строса, внесенными им в «Голубую тетрадь».

Чтение, которым занята мадам Лемпицка, прерывается началом спектакля. В прологе действие происходит на монастырском кладбище. Так в роман вводится мотив смерти, а с ним и проблема соотношения свободы человека и его зависимости от предопределения. Чтобы повлиять на судьбу, находящийся на сцене исполнитель партии Годунова Дистели прибегает к «магическим приемам»: «тайком целует ноготь своего большого пальца, держится за пуговицу расшитой золотом одежды»⁴. Нельзя исключить, что упоминание подобных приемов не случайно, и в нем содержится отсылка к автору трагедии, легшей в основу оперы, его талисманам и вере в связь ногтя на мизинце с удачей (по крайней мере, так считали знавшие Пушкина)⁵. После спектакля Дистели жалуется на то, что партия Годунова дается ему особенно тяжело. Уже вторую ночь ему снится автор трагедии. «Мне снилась, - сообщает певец, - какая-то комната, возле окна стоял какой-то маленький, черный и очень кудрявый человек. Стоило мне там оказаться, как я понял, что это Пушкин. И все его называли Александр Сергеевич. Он смотрел на пургу и думал по-русски»⁶. Удивительно, что не знающий русского языка Дистели понимал все, «что он думал» «звучными трохеями» «о демонах. Как они кружат, словно хлопья снега...». Тут оказывается, что Маркизина Лемпицка знает эти стихи, как и то, что Достоевский использовал их в эпиграфе своего романа «Бесы».

А.С.Пушкин присутствует в романе М. Павича лишь как герой снов. Однако именно его личностью проникнуто все произведение. Возможно, не случайно имя главного героя романа, управляющего еще не увиденными людьми снами, тоже Александр. Пушкин предстает в этих снах человеком, которого угнетет предчувствие близкой смерти и занятым мыслями о возможности с помощью магии проникнуть в тайну собственной судьбы.

Не случайно Дистели видит его возле окна, которое в народной мифологии наделено многообразными символическими функциями и оценивается «в качестве нерегламентированного входа», пути «для нечистых

⁴ Павич М. Уникальный роман: Роман-дельта / М. Павич. – СПб., 2006. – С. 27.

⁵ Лаврентьева Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Приметы и суеверия / Елена Лаврентьева. – М., 2006. – С. 335.

⁶ Павич М. Уникальный роман. – С. 29.

духов, смерти и пр.»⁷. «Сон, - продолжает он свой рассказ, - сначала был мутным, и все виделось словно сквозь воду. Потом постепенно прояснилось и становилось все яснее и яснее. Тогда я увидел, что в окне было еще одно, совсем маленькое окно, которое называется «форточка», и Пушкин его открыл. В комнату повалил снег»⁸. В этот момент герой сна певца размышлял, каким образом можно заманить одного из «демонов и злых духов к себе в комнату» для того, чтобы получить у него ответ на вопрос, который мучил и самого певца: «когда и как окончится» его жизнь⁹. И сам Пушкин, и представление о судьбе предстают в мифологизированном виде. Судьба понимается, как цепь событий, заранее определенных кем-то или же какой-то силой, «скрытой в таинственных глубинах» и обладающей «мощной» властью, «управляющей человеком»¹⁰. Поскольку будущее человека уже predetermined, ему остается лишь попытаться узнать его. В качестве «окна» в эти неведомые события и выступает сон, который, по словам Ю.М. Лотмана оценивается человеком с мифологическим сознанием как «сообщение от таинственного другого»¹¹.

Итак, в романе М.Павича дается двойная мотивировка причины появления в снах Дистели героев «Бориса Годунова». Психологическая заключается в том, что, как заметила мадам Лемпицки, он отдает слишком много сил и времени «Мусоргскому, Борису Годунову и пушкинским паяцам»¹². Мифологическая – в поисках автором комедии о Гришке Отрепьеве дьявола и обращении при этом к опыту своего пращура. Это еще один случай мифологизации в романе М.Павича. В данном случае – Ибрагима Ганнибала. С этим предком А.С.Пушкина и в самом деле связано много тайн, ставших источником «семейственных преданий» (как замечал сам поэт) и легенд. В.В.Набоков, предпринявший исследование главного источника информации об Ибрагиме Ганнибале – так называемой «Немецкой биографии», признавался, что главным образом его к этому понуждало «таинственное происхождение африканского предка»¹³. По мнению другого исследователя «легенд о черном предке» А.С.Пушкина, В.С. Листова, образ Ганнибала слагался у Пушкина как некое многогранное единство, возникающее на скрещении истории и современности, фактографии и мифологии, прозы и поэзии...¹⁴. И если касаться непосредственно мифологической стороны, то о своем пращуре он думал как о «новом Иосифе». Том самом Ветхозаветном сновидце и снотолкователе. Основу для таких ассоциаций давала «Немецкая биография», известная А.С. Пушкину. Из нее следует, что «арап» отличался

⁷ Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии: около 1000 статей / Н.С. Шапарова. – М., 2001. – С. 387.

⁸ Павич М. Уникальный роман. – С. 30.

⁹ Павич М. Уникальный роман. – С. 31.

¹⁰ Лотман Ю. М. Семиосфера / Сост. М.Ю. Лотмана. – СПб., 2000. – С. 126.

¹¹ Лотман Ю.М. Семиосфера. – С. 124.

¹² Павич М. Уникальный роман. – С. 29.

¹³ Набоков В.В. Пушкин и Ганнибал. Версия комментатора / В.В. Набоков // Легенды и мифы о Пушкине: сборник статей / под ред. к.ф.н. М.Н. Виролайнен. – СПб., 1995. – С. 10.

¹⁴ Листов В.С. Легенда о черном предке / В.С. Листов // Легенды и мифы о Пушкине: сборник статей / под ред. к.ф.н. М.Н. Виролайнен. – СПб., 1995. – С. 55.

чрезвычайной чуткостью, легко переходил из состояния сна в состояние бодрствования, и Петр I сообщал ему о пришедших ему ночью мыслях, «законодательных мерах» с тем, чтобы Ибрагим записал все. Таким образом, Ибрагим Ганнибал является «тайным секретарем», записывающим и толкующим мысли государя, пришедшие во время сна¹⁵. Остановившись на роли снов и сновидений в поэтическом мировосприятии самого А.С. Пушкина, В.С. Листов пишет: «Когда Пушкин при всякой возможности упоминает и подчеркивает в мифологизированной биографии Ганнибала роль близкую к истолкованию снов, то тут, вероятно, можно видеть намек не только на кровное родство с царским арапом, но и на некую тесную духовную связь потомка с предком. Цикличность, повторяемость того, что происходит с праотцем и с ним самим – это должно быть ясно для Пушкина»¹⁶.

У М. Павича прадед-маг Ганнибал передал своим потомкам способ узнать «о себе правду». Для этого были необходимы ритуальные иглы. Главным врагом человека является дьявол. Он и должен стать медиатором между человеком и его судьбой. Пушкин, достав из шкатулки прадеда, кроме игл, монеты, зашивает их в трех кукол и находит «историческое событие», в которое их можно поместить. Открыв «Историю Российского государства» Н.М.Карамзина «наобум», он обнаруживает, что его куклам предстоит отправиться в 1599 год. Но участвовать они будут не в истории. «Итак, обратимся к жизни», - заключает Пушкин¹⁷. Призывает он их к жизни, как настоящий маг. Он дает им имена, а значит, определяет их характеры и судьбы. Таким образом, он способен управлять судьбой. Но не своей, а созданных им героев. При этом он вступает с ними в определенные взаимоотношения, превращаясь в персонажа им же создаваемой истории. Так в мифологизированном виде выражается сознание того, что Пушкину было свойственно принципиально новое понимание литературной деятельности – закрепление творческого начала, способности «воображать и превращать себя в жизненные существа и саму жизнь творить как форму бытия» за автором. «Превращая себя в жизненно-прозаических персонажей и их (фабульную) действительность, - пишет В.В.Федоров, - Пушкин становится субъектом, бытие которого осуществляется через онтологическое посредство тех, в кого и во что он себя вообразил (превратил). Его стремление преодолеть свою превращенность встречает сопротивление жизненно актуальных персонажей, что и является причиной тотальной конфликтности поэтического мира (Пушкина-поэта, бытие которого разворачивается как мир). Бытие Пушкина-поэта осуществляется в сфере бытия Слова, то есть в той сфере, в которой осуществляется акт превращения Слова в Пушкина как субъекта жизненного существования»¹⁸. Опирается же

¹⁵ Листов В.С. Легенда о черном предке. – С. 62.

¹⁶ Листов В.С. Легенда о черном предке. – С. 63.

¹⁷ Павич М. Уникальный роман. – С. 95.

¹⁸ Федоров В.В. Пушкин как эстетическая ценность / В.В. Федоров // Русский язык и литература в учебных заведениях Украины. – 2005. - № 3. – С. 23.

он в выборе судьбы для своих героев на культурный опыт – книги об эпохе, когда жили его герои. Одну куклу, представлявшую «богатыря», перепоясанного саблей «в мундире, расшитом золотыми шнурами, и с генеральскими эполетами», он назвал Гришкой. «Ты будешь лжецарем, самозванцем, - пояснил Пушкин «богатырю» его будущее, основываясь на изданной в 1722 году в Венеции истории России. – Еще сказано, что ты выучишь латынь и будешь писать письма в Рим, папе. А когда войдешь в Кремль, поднимется сильный ветер. Ты будешь вести войны, и в этом тебя поддержит один из моих предков... Кроме того, в венецианской истории говорится, что ты, лжецаревич Димитрий, будешь править Россией до тех пор, пока народ не вытащит тебя из царских палат и не убьет на площади»¹⁹. Тряпичную куклу, представлявшую монаха «с седой бородой, в широкой мантии, перетянутой черным шнуром», он нарек Пименом, а «барышню в красной юбке с кринолином и волосами из мочала» - Мариной Мнишек-Сандомирской.

Собственное же будущее ему неизвестно. Чтобы постигнуть его, ему нужно заставить действовать своих героев, то есть начать процесс творчества. Итак, из «Уникального романа» следует, что к созданию драматического действия времени правления Бориса Годунова Пушкин приступил с тем, чтобы открыть для себя смысл своей судьбы. «Для того чтобы я мог призвать вас в любой момент, когда вы мне понадобится, - говорит Пушкин, обращаясь к оживленным им куклам, - мне нужно представлять себе, как вы выглядели в жизни, что вы делали и говорили. А чтобы мне этого добиться вернее всего, придется написать драму для театра, в которой вы заговорите и снова окажетесь в вашей прежней жизни...»²⁰. Другими словами, ему необходимо уяснить, каково было мироощущение, поведение людей иной, по сравнению с его собственным временем жизни, эпохи, неизвестной и во многом непонятной ему.

При этом для него важно не само по себе знание, как он умрет. Он надеется, как и герой мифа, изменить обстоятельства в свою пользу. В этом отношении обращает на себя внимание смещение автором романа временных пластов – середины 20-х годов (работа над «Борисом Годуновым», окончание шестой главы «Евгения Онегина», о котором упоминает Марина Мнишек в беседе с поэтом) и 1830 года («Бесы», «Дорожные жалобы»). 1830 год не случаен. Известно, что он стал «пороговым» в развитии миропонимания А.С.Пушкина. Он все больше задумывался над смыслом, сутью сил, управляющих историческим процессом. Кто или что определяет происходящее? Индивидуальность, народ, или же объективная закономерность? С наибольшей полнотой эти размышления отразились на концепции жизни, выраженной в «Повестях Белкина» и цикле «маленьких трагедий». Определяя особенности художественной философии А.С.Пушкина 1830 года, С.А.Кибальник пишет: «Новым для этого периода,

¹⁹ Павич М. Уникальный роман. – С. 96-97.

²⁰ Павич М. Уникальный роман. – С. 98.

безусловно, оказывается тема «провиденциального случая», случая как «мощного, мгновенного орудия Провидения». Трактовка этой темы Пушкиным обнаруживает симптоматическое сближение художественной философии поэта с религиозным сознанием в его народно-православном варианте...»²¹. Оттого, вероятно, и возникает в воображении читателя первой строчки «Дрожных жалоб» А.С.Пушкина как составляющая глагола «гулять», как бы ушедшая в подтекст – «суждено», то есть, определено провидением: «Долго ль мне гулять на свете...»²². А дальше – перечень «случайностей», которые могут прервать жизненный путь: чума, «непроворный инвалид», лесной злодей, скука в карантине...

Во сне Дистели в «Уникальном романе» Пушкин признается: «Вокруг меня плетут сеть, – признается он. - Я должен знать, как мне защищаться»²³. Одна из кукол, представлявшая Марину, оказывается дьяволом. И, хотя она и заявляет, что «никому не дано знать», какая смерть его ожидает, она готова дать ему ответ «поэтической природы». Она предлагает Пушкину разыграть сцену дуэли Онегина и Ленского из его собственного романа, лечь на снег и представить себе, что она в него уже попала. Они вносят исправления в роман, где дуэль – это трагедия. «Марина» толкает Пушкина, тот падает в снег, они смеются. «Ну вот видишь, - заявляет дьявол в обличии куклы, - я умею смеяться. А что касается тебя, то ты будто бы смертельно ранен в живот, но у тебя еще есть силы опереться на локоть и выстрелить в меня. Ты так и сделай. Прицелься и стреляй. Без жалости! То, что должно быть больно, пусть и будет больно»». Пушкин во сне Дистели, умирающего из-за того, что болезнью поражена его печень, и ему и в самом деле больно, когда он видит этот сон, стреляет, но пуля отскакивает от мундира его «противника». Это все, что «демон женского пола» смог сделать в «области поэтического ремесла» для поэта, где он был искуснее демона. «Марина» получает свою куклу, разрывает ее, освободившись от его власти, а Пушкин во сне Дистели так и не понимает, что увидел свою будущую смерть. Как не понял и Дистели, проснувшись позже, что увидел свою смерть от «раны» в живот.

На наш взгляд, если использовать слово «маг» в качестве характеристики человека, наделенного особым зрением, слухом, способностью предвидения, по-другому - пророка, то оно вполне уместно применительно к А.С.Пушкину, обладавшему даром поэтического вдохновения. Интересны в этом плане наблюдения, сделанные А.А.Слюсарем, относительно баллады А.С.Пушкина «Песнь о вещем Олеге». Ясновидению волхва в ней даны как мифологическая («покорный Перуну»), так и психологическая («вдохновенный кудесник») мотивировки. По мнению ученого, в этом произведении А.С.Пушкина уже заключено ядро его концепции художника, которая окончательно сформируется на рубеже 20-30-х гг. «Ее сущность, - писал А.А.Слюсарь, - состоит в том, что искусство, проникая в закономерности мира, выражает в своих произведениях объективную истину.

²¹ Кибальник С.А. Художественная философия Пушкина / С.А. Кибальник. – СПб., 1999. – С. 135.

²² Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. / А.С. Пушкин. – М., 1974. – Т. 2. – С. 235.

²³ Павич М. Уникальный роман. – С. 109.

Постигая ее, художник в момент творческого акта является глашатаем самой жизни. Поэтому ему чужд субъективный произвол. Прозревая сквозь сеть случайностей необходимое, он возвышается до абсолютного. В этот момент художник подобен пророку, исполненному божественной волей»²⁴. Близкую точку зрения на суть поэтического творчества высказывает и Жак Маритен, когда пишет, что многое отличает поэтический опыт от мистического. Поэтический опыт относится «к сотворенному миру и к бесчисленным загадочным взаимосвязям сущих между собою», мистический опыт – «к началу вещей в его непостижимом надмирном единстве». Есть между ними и другие различия. «Но, - как заключает автор, - как бы ни различались они по своей природе, поэтический и мистический опыт возникают в непосредственной близости друг к другу, рождаются у самого средоточия души, в кипучих источниках допонятийной или сверхпонятийной жизненной энергии духа»²⁵. Таким образом, через посредство Слова, которому возвращается космогоническая сила, художник сам осуществляет акт творчества как акт магии.

В конечном итоге можно сделать вывод о том, что структурообразующими для этой части романа М. Павича понятиями являются сон – судьба – творчество. Алекса Клзовиц продает Дистели сон, который тот должен увидеть в своем будущем. Героем сна Дистели является Пушкин, обращающийся за помощью к опыту своего предка, который, по преданиям, записывал и толковал мысли царя Петра, пришедшие тому во время сна. Судьба: Пушкин во сне Дистели пытается повлиять на свою судьбу и по существу узнает собственное будущее, хотя и не умеет разгадать до конца смысл открывшегося ему во время встречи с дьяволом. Так же, как и Дистели, которому открывается и его собственная судьба, точнее то, что ему суждено умереть от «раны» в области живота. При этом сон и судьба взаимосвязаны. Сон – это окно в будущее. Не случайно Пушкин во сне находится возле окна (форточки), что, по существу, является материализацией метафоры. Кроме этого, если опереться на наблюдения В. Руднева, сон «метафорически связан со смертью: умерший – это тот, кто «спит вечным сном» или «как убитый»; значение «покой» связано как со сном (почивать), так и со смертью (почить)²⁶. Замыкает же опорные понятия в нечто единое концепт «творчество». И Дистели, который видит сон о своем будущем, и Пушкин, который в его сне пытается проникнуть в тайну своего будущего, являются творцами, людьми искусства. У обоих в силу духовного вида деятельности, который им свойственен, развиты воображение, интуиция - то, что относится к категории «бессознательное». Причем, А.С. Пушкин – это и человек, наделенный даром провидца, и художник, который в своих произведениях сосредоточил внимание на бессознательном, толковавшемся в

²⁴ Слюсарь А.А. Баллада А. Пушкина «Песнь о вешем Олеге» и летописное сказание / А.А. Слюсарь // Слюсарь Арнольд Алексеевич. Методіа. – Одесса, 2009. – С. 305.

²⁵ Маритен Ж. Творческая интуиция в искусстве и поэзии / Жак Маритен. – М., 2004. – С. 222.

²⁶ Руднев В.П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II / Вадим Руднев. – М., 2000. – С. 207.

эпоху, когда он жил, мифологически, а «владение» чужими снами - акт магии. Возможно, поэтому в романе Милорада Павича и возникает образ именно этого художника, в наибольшей степени соответствующего модели писателя как демиурга или же мага.